

Родион Вереск

Тарарам

Стихотворения

Родион Вереск Тарарам. Стихотворения

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=20613964

ISBN 9785448307676

Аннотация

Первый поэтический сборник автора. Тексты разных лет. Стихи, в которых порой отчётливо сквозит проза, но от этого они не перестают быть стихами. Тарарам, вынесенный из детства и не выветрившийся до сих пор.

Содержание

«Будет мой дом на пригорке, у сосняка...»	5
«Ты просыпаешься от мерцания жёлтых и синих пятен...»	6
Степь	7
«Полдник казался невкусным...»	9
«Если бы только наткнуться...»	10
«Становишься выше...»	12
«Февраль. В тишине загорается свет...»	14
Снегири	16
Тридешатое царство	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Тарарам
Стихотворения
Родион Вереск

© Родион Вереск, 2016

ISBN 978-5-4483-0767-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Будет мой дом на пригорке, у сосняка...»

Будет мой дом на пригорке, у сосняка...
Нет, на морском берегу, у песка и буйка.
Будут в туман заползать на веранду ежи
Или заглядывать в окна лиловая ширь.
Или мелькать за сырыми соснами поезда,
Или светить над зернистым обрывом звезда.
Так или эдак: заходит в дом человек,
Дышит на руки, плечом прикрывает дверь,
Куртку снимает, готовится зимовать
И на остывшую печь забирается спать.
А поезда идут и идут и стучат в висок —
С востока на запад и с запада на восток.
И теплоходов гудки догоняют во сне,
Плоская рыба сушится на стене.
Я добегу, обниму, затоплю-застелю...
Красный буёк качается вслед кораблю.

2013

«Ты просыпаешься от мерцания жёлтых и синих пятен...»

Ты просыпаешься от мерцания жёлтых и синих пятен.
И где-то за утеплённым окном, в мареве предвесеннем,
Твой Солнечный город, твой Энск, твой морозный
Юрятин
Раскалывают горизонт, бросают длинные тени.
И только что снилось: всё теплее ветер, всё ярче мелодия.
Проступают проталины, пахнет чем-то пряным
и терпким.
Но что-то щёлкает – звенит пружина на взводе.
Ты спотыкаешься – и земля из-под ног уходит,
Падает дерево, с треском ломаются ветки.
И уже смеркается. Почти не видно тёмного горизонта.
Ты лезешь в карман, комкаешь исписанный лист.
Твой Байконур, твой Манхэттен и твой Макондо
Исчезают в густой пыли.

2011

Степь

В этой степи – не то печенежской, не то половецкой, —
В верандно-бревенчатом доме,
В скрипучей кровати детской,
У окна с цветочным горшком и горячей луной...
Как будто прячется край земли за спиной.
Ветер сочится, колышется занавеска,
Да будет черёмуха за забором, да будет ночь.
Ночью приходит олень,
Кладёт мохнатую морду на подоконник,
Топчет копытами подорожник и лебеду,
Ветер усиливается, начинает дуть
С дальней горы за лесом, звенит колокольчик
У оленя на шее, и тот пускается в путь,
Мчится над тёмным забором, над потухшей улицей...
Крыши и трубы, вишни и тополя,
Под оленьим брюхом раскручивается земля,
Реки сгибаая. Чернеющее за околицей,
Вспыхивает кострами дикое поле.
Воздух за пазухой,
Воздух – куда ни глянь.
Воздух – трава под окном, туман ли, роса ли,
Полосатый мяч, свалившийся в палисадник,
Запах яичницы, солнечный свет в окне...
И олень с задумчивыми глазами

Смотрит с ковра, висящего на стене.

2012

«Полдник казался невкусным...»

Полдник казался невкусным.

Я был привередливым сыном.

Тёмно-серая тень от комода падала на кровать.

Солнце жгло подоконник и подсвечивало паутину.

Трескался лёд на реке, и река называлась Нева.

Город – это сплошные лестницы, выщерблины, перила,

Жёлто-бордовый пол, холодные трубы, хвойное мыло,

Рассыхающийся табурет,

На обрывке газеты – выцветающие чернила,

На бесцветном экране – белый балет.

Вода заливала ступени, синий фломастер волны

Рисовал на альбомном листе. Били в глаза лучи.

Это было начало: коридор, тугая щеколда,

Мамин голос, Ленинградский батон с молоком
на полдник,

И на балконе – грачи.

2010

«Если бы только наткнуться...»

Если бы только наткнуться
На то, с чего начинал:
Неровный спешащий почерк,
Ручка, ненужный карманный фонарь.
И от оттепели до оттепели —
Оштукатуренная стена,
Изнутри деревянная,
И у фундамента – наст.
Останови машину. Выйди.
Реки поворот.
Чёрная лодка у берега вмёрзла в лёд.
На сугробе – брызги из-под колёс.
У изгороди на привязи лает пёс.
В студёном невидимом омуте,
Подо льдом,
Кто-то брёвна отёсывает,
Строит дом,
Отпирает ворота с тяжеленным замком,
Мёрзлую землю ошупывает фонарём.
И у тебя за спиной – таёжная широта,
Поднимается по лопаткам обжигающая вода,
Обволакивает, застывает,
Блестящая, как слюда...
Глубота, немота.

2013

«Становишься выше...»

Становишься выше.
Февраль. В феврале. Февралю.
«Поздно уже. Пойдём, я тебе расстелю...»
Деревья в фонарном свете
В том мире, что за стеной,
Тоже становятся выше.
Линолеумная поляна,
Пластмассовый тарарам.
Лает собака – там,
За заснеженными гаражами,
За трубой котельной,
За изгородью, далеко...
Плоский инжир падает в молоко.
Это на кухне синенький огонёк,
Это снаружи серенький снежный денёк.
И мир уже разогнался,
Расставился по местам,
А в самом начале —
В самом начале так:
Меркнущая зима,
Прохожего шаг несмелый,
И в этой зиме – окно.
Занавешенное. И вот
Кипела вода на плите,

Простыня среди кухни белела,
Пыльная лампа горела,
Шёл високосный год.

2013

«Февраль. В тишине загорается свет...»

Февраль. В тишине загорается свет.
Я вижу костлявые руки ветвей,
Поросший седеющим мохом кирпич,
Тупую лопату и старый «Москвич».

Я вышел из утра, где чайник дышал,
Где мама учила завязывать шарф.
И было дождливо, и было светло —
Сияло, штормило, сушило, мело.

Ржавела на бампере чёрная сталь,
Ветшал под колёсами пыльный асфальт.
Темнело. Вставали сплошной чередой
Зажжённые окна ночных городов.

А утро осталось рисунком большим
В дощатом замкадье, в ольховой глуши...
Глодают сугробы сыреющий дом,
И лампочка меркнет над шатким крыльцом.

Я слышу: играет знакомый куплет.
Я вижу: синеют снега в феврале,
И дед про себя напевает, жуя:

«Гренада, Гренада, Гренада моя!...»

2010

Снегири

В жизни есть середина короткого февраля,
Воспоминания о Незнайке, картины Саврасова,
Снегири на антенне, угрюмый сосед Колян,
Чем-то похожий на Ватсона.

Наклонясь, собираешь рассыпанный винегрет
Из непроявленных фотографий, оброненных реплик
Заплутавших друзей и пытаешься дать совет
Самому себе. О поребрик

Искрит горячий окурочок. В черепе ломит кость.
Ищешь, как Шерлок, во времени потаённый карман.
Солнечный город спит. До грачей ещё далеко.
Заглядывает в глаза застоявшаяся зима.

Фея давно умерла. Увёз голубой вагон
То, что должно было сбыться на громкие «раз, два,
три»...

В жизни есть семафоры, заснеженный перегон
И электричка до станции Снегири.

2010

Тридешатое царство

Огненно-рыжий свет.
В январе фонари зажигают рано.
Мама в берете везёт ребёнка на санках.
Ты в детстве была непослушной,
Да и сейчас упряма,
Поэтому снова
Гладишь красное платье с изнанки,

Моешь руки в снегу с подоконника,
Раскладываешь диван
И звонишь в тридешатое царство,
Но тебе говорят: аппарат абонента выключен.
И ты наливаешь воду в стакан
И ей запиваешь лекарство
От простуды, чтобы к завтраму вылечиться.

Завтра будет суббота и какая-нибудь погода.
Любопытная Варвара-соседка:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.